

Лондон

(прим. к газ.
«Марчуческиги
театр») — 1995 —
№ 5 — с. 3

Как только софиты осветили декорации Эриха Вондера, стало ясно, что Иоканаан уже выиграл титаническую битву добра и зла. И царство, и дворец явственно гибнут. Серые и пыльные, стены нуждаются в ремонте, паркет в грязи и частично разрушен, мебели нет — везде запустение “конца века”. Неудивительно, что Ирод (Кеннет Ригель в отличной форме) испуган зловещими предупреждениями Крестителя: он всюду видит предзнаменования своего падения.

Швейцарский режиссер Люк Бонди схватил самую сердцевину пьесы Оскара Уайльда и плотно стянул всю постановку вокруг нее. Напряженные между декадентским обществом, скользящим к ужасу, и голосом разума и света, в конце концов удушенным — вечная трагедия человеческой истории, — стало здесь главной мыслью Бонди, хотя кажется, что действие перенесено им куда-то в Европу, в начало нашего века — может быть, это Вена, судя по появлению Иродиады (Аня Силья), гротескной амальгамы образов Густава Климта и Обри Бердслея.

При таких высоких драматических требованиях Бонди повелю с труппой: Кэтрин Мальфитано (Саломея) схватывает сущность чувственной девушки, подавленной рождающейся сексуальностью. В атмосфере всеобщего разврата ее собственные побуждения извращены, сладострастное желание Иоканаана — ее трагедия, она бросается на непоколебимую скалу. Когда Иоканаан (Брин Терфель) появляется, почти звероподобный, из своей подземной тюрьмы, Мальфитано изображает лихорадочное эротическое возбуждение, встает вокруг него, как москит, воркуя, дразня — невинная в силах, которые ее ведут. Брин Терфель совершенен: огромный, властный, медлительный, он так же захвачен своим решительным осуждением, как Саломея своей одержимостью.

К счастью, Бонди воздержался от недавней практики заставлять Саломею сбрасывать одежды во время танца семи покрывал, и великолепный танец Мальфитано гораздо убедительнее передает сексуальный магнетизм молодой девушки. Она танцует для себя, не для Ирода, но это танец триумфа: только она ясно знает награду и упивается этим секретным знанием. Теперь она стала недоступным объектом желания, и Кеннет Ригель (в красном парике) блестяще играет охваченного дрожью развратника, который знает, что ему приходит конец — не только в сексе, но и у власти: его паника, когда Саломея в конце заявляет свои условия, хорошо передана не только актрисой, но и вокально, его голос вторит панической дрожи оркестра. Аня Силья (Иродиада) — элегантная злая королева — подкрадывается сзади, мешая ему достичь Саломеи, создает зловещий контрапункт к финальному столкновению.

Всегда великолепная, Мальфитано удлинняет паузы для триумфа с головой Иоканаана. Мы вновь видим все стадии ее падения: от буйного ребенка к растущему сознанию своей власти и побуждений своего тела и в конце к безумной фрустрации испорченной женщины. Все зло двора Ирода находит в ней свою кульминацию, и тщетно Ирод призывает: “Убейте эту женщину!”

После триумфа на Музыкальном масе во Флоренции и на Зальцбургском фестивале эта постановка заслуженно встретила тот же неистовый энтузиазм премьерной публики в Королевской Опере.

Делла КОУЛИН
("Opera now")

Перевод с английского
Анны БУЛЫЧЕВОЙ